

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

ВОЕННЫЙ ПЛЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ТРАДИЦИИ «ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ» И ТЕНДЕНЦИИ «ТОТАЛЬНОЙ ВОЙНЫ»

О.С. Нагорная

Центр культурно-исторических исследований
Южно-Уральский государственный университет
пр-т им. В.И. Ленина, 76, Челябинск, Россия, 454080

На примере военного плена Первой мировой войны в статье анализируется преемственность и дисконтинуитет процесса «тотализации военных действий», дискуссии по поводу которого не утихают в среде западных военных историков. Сосуществование и переплетение новых тенденций и традиционных структур рассмотрено на примере нескольких важных аспектов системы немецкого военного плена: международного права, национальной пропаганды, содержания офицеров и солдат в лагерях, которым в литературе до сих пор не уделялось достаточного внимания.

Ключевые слова: «тотальная война», военный плен, Первая мировая война.

На протяжении последнего десятилетия в среде специалистов, занимающихся военной историей, активно дискутируется вопрос о тенденциях развития войн современного типа, о преемственности и дисконтинуитете процесса «тотализации военных действий» с середины XIX до середины XX в. (1). При этом пропагандистский слоган, родившийся в дебатах межвоенного времени, используется ныне как аналитический конструкт, применение которого позволяет более выпукло описать становление и трансформацию военных структур и институтов на протяжении наиболее насыщенного и противоречивого периода их истории.

По мнению большинства исследователей, Первая мировая война явилась важнейшей вехой в становлении модели «тотальной войны», так как именно в ходе этого конфликта традиционные способы ведения военных действий были окончательно вытеснены тотальными целями, тотальной мобилизацией населения и ресурсов и тотальным контролем.

Пример военного плена, казалось бы, подтверждает данный тезис: снижение порога насилия проявилось в стихийном убийстве безоружных солдат и офицеров противника на линии фронта (2). Лагеря военнопленных стали своеобразной экспериментальной площадкой, где отработывались новые практики дисциплинирования и контроля, а также принудительного использования дешевой рабочей силы. Именно этот опыт был позднее активно использован тоталитарными диктатурами.

Исследуя немецкую систему лагерей, У. Хинц приходит к однозначному выводу, что организация содержания и питания пленных, привлечение их к военным работам в прифронтовой зоне и судьба русских военнопленных после заключения Брест-Литовского мирного договора стали кульминационным пунктом радикальных структурных изменений в содержании военнопленных в Германии. Именно здесь граница между военным институтом и экономическим рабством стала максимально подвижной (3).

Напротив, работы Р. Нахтигала и Г. Вурцера (4), описывающие соответственно дипломатические отношения на Восточном фронте и содержание немецких офицеров в России, подчеркивают ограниченный характер перехода традиционных монархий к первой индустриальной войне.

Обращение к судьбе российских военнопленных, которые составили наиболее многочисленную группу в германских лагерях, также позволяет скорректировать утверждение о необратимости тотализации. Исходным тезисом данной статьи является предположение, что отличие от лагерей уничтожения Второй мировой войны пространство опыта плена Первой мировой создало те рамки, в которых новые радикальные тенденции могли, пусть и не всегда органично, сосуществовать с традициями предшествующей эпохи. При этом гибкость границ тотализации наиболее ярко демонстрируется при включении в анализ не только директив центра, но и особенностей их реализации на местах, а также перспективы «маленького человека».

Сосуществование и переплетение новых тенденций и традиционных структур будет рассмотрено на примере нескольких важных аспектов системы немецкого военного плена: 1) международного права; 2) национальной пропаганды; 3) содержания офицеров и 4) солдат в лагерях, которым в литературе до сих пор не уделялось достаточного внимания. За пределами данного текста останутся достаточно подробно описанные в исследованиях принудительный труд и дисциплинарные практики (5).

Соблюдение международного права и взаимные репрессии. Постепенное становление в Европе нового международного права не привело в ходе Первой мировой войны к торжеству гуманизма. Глава «О военнопленных» Гагской конвенции 1907 г. приравнивала попавших в руки противника солдат и офицеров к военным служащим пленившей их армии, предписывала подобающее содержание и обращение, запрещала привлекать их к принудительным работам военного характера.

Однако размытость определений документа позволяла всем странам свободно трактовать правовые рекомендации, которые к тому же не касались многих аспектов, проявившихся лишь с началом новой войны.

К примеру, новое международное право не запрещало использовать военнопленных в качестве средства давления на противника и улучшения положения собственных подданных, попавших в плен. Поэтому вопреки повторявшимся призывам Международного Комитета Красного Креста отказаться от подобных негуманных методов все страны интенсивно прибегали к так называемым взаимным репрессиям.

Солдаты и офицеры русской армии оказались в этой ситуации жертвой не только немецкой стороны, но и собственного правительства, в большинстве случаев отказывавшегося идти на уступки. Примечательно, что Австро-Венгрия через некоторое время перестала использовать данный инструмент ввиду его неэффективности. Германия же продолжала активно к нему прибегать, несмотря на частое отсутствие встречных шагов со стороны России.

Наиболее значимая попытка давления на русское правительство стала реакцией на привлечение немцев и австрийцев к строительству Мурманской железной дороги, где тяжелый труд и недостаток обеспечения повлекли за собой стремительное ухудшение физического состояния пленных. В ответ в 1915 г. немецкая сторона прибегла к организации т.н. «штрафного лагеря» Штроермоор.

В болотистую местность на положение солдат были переведены офицеры, имевшие в России влиятельных родственников. Продолжительный период, понадобившийся противникам для урегулирования противоречий, они получали солдатский паек и работали на культивации почв (6).

Среди более мелких репрессий следует упомянуть запрет на распространение в лагерях просветительских плакатов русских благотворительных организаций с информацией о правовом положении пленных, понижение обменного курса при получении денежных переводов, принуждение офицеров оплачивать меблировку комнат, запрет на корреспонденцию с Россией и т.д. (7).

Данные ограничения в положении пленных действовали вплоть до ответных уступок со стороны русского командования, медлительность которого часто объяснялась многоступенчатостью переговорного процесса, а также нежеланием идти на соглашение с противником.

Замкнутый круг взаимных репрессий позволил А. Беккер, исследовавшей франко-германские отношения, определить военнопленных Первой мировой войны как «первых жертв процесса тотализации военных действий» (8). Стоит, однако, заметить, что ситуация на Западном фронте разительно отличалась от опыта Восточного фронта. С одной стороны, между Россией, Австро-Венгрией и Германией было заключено меньшее количество соглашений, смягчавших участь пленных, с другой – многие решения на местах и в центре имели неформальный характер и базировались на монархическом сознании и устойчивости представлений о рыцарском ведении войны.

К примеру, в ответ на разрешение немецким военнопленным в России праздновать день рождения кайзера русские солдаты и офицеры получили возможность отметить день рождения своего императора и даже включить в программы концертов исполнение патриотических песен (9). Столь же любезно Прусское военное министерство отнеслось к чрезвычайно обременительной практике русских благотворительных учреждений в провинции помогать только выходцам из определенных губерний. Берлинские чиновники разрешили сбор и прямую передачу комитетам сведений о пребывании военнопленного, запретив лишь сообщение точного адреса рабочих команд (10).

Иногда действия немецких чиновников не только не соответствовали условиям современной войны, но и приобретали (на взгляд нынешнего наблюдателя) курьезный характер. В 1916 г., в разгар становления немецкой военной экономики, в Прусское военное министерство поступил запрос комендатуры одного из лагерей, можно ли раздать средства, оставшиеся от бежавшего через датскую границу русского военнопленного, его нуждающимся товарищам. Уже это предложение немецких военных по облегчению участи вражеских солдат демонстрирует незавершенность процессов тотализации. Но еще более удивляет ответ берлинского департамента: деньги беглеца были определены как его частная собственность, которая не могла быть конфискована, а подлежала хранению до окончания войны и последующей отправке хозяину (11).

Политическая и национальная агитация. Наряду с принудительным трудом пропаганда в лагерях военнопленных является наиболее яркой иллюстрацией радикализации системы плена и превращения его из способа изоляции безоружных противников от дальнейшего участия в военных действиях в инструмент достижения военных целей.

В планах немецких органов по отношению к военнопленным из царской России заметное место занимала революционная пропаганда. Уже в июне 1914 г. центральные и некоторые местные ведомства обосновывали необходимость насаждения среди русских военнопленных антиправительственных настроений: «Если мы будем подстрекать их основательно против царизма, тогда это вознаградится хорошими процентами... Революция в России может в будущем защитить нас от его жестокой природы» (12).

С подачи Берлина и при активном участии русских политических организаций в эмиграции, сделавших ставку на развитие революционного потенциала пленных, лагерные библиотеки снабжались агитационной литературой. В то же время немецкие военные органы не смогли последовательно реализовать намеченную программу: комендатуры, опасавшиеся распространения левых идей за пределами колючей проволоки, изымали листовки и брошюры подозрительного содержания. К тому же пропагандисты рассматривались как шпионы, которые «в союзе с немецкими элементами будут пытаться разрушить предприятия, участвовать в стачках или бежать из лагеря» (13). Литература агитационного характера исчезала из библиотек в ходе

визитов нейтральных комиссий в лагерь, так как пропаганда среди пленных строго запрещалась международными соглашениями (14).

Более масштабной и целенаправленной являлась немецкая пропаганда среди военнопленных нерусского происхождения (русских немцев, поляков, украинцев, прибалтов, мусульман, грузин).

Следует отметить, что привилегированное содержание и агитация среди национальных меньшинств не были исключительной принадлежностью немецкого ведения войны, а являлись в отличительным феноменом Восточного фронта в целом.

Россия в формировании добровольческих батальонов из военнопленных славянских народностей видела средство раскола Австро-Венгрии и реализации панславянских идей. В военных действиях против Германии предполагалось использовать выделенных из общей массы немецких пленных эльзасцев, лотарингцев и поляков (15). В свою очередь, устремления держав Центральной Оси были нацелены на ослабление Российской Империи путем стимулирования национально-освободительных движений и создания буферных государств на ее окраинах.

Несмотря на радикально новый характер агитационной программы, реализация этих мероприятий осуществлялась на основании предвоенного горизонта ожиданий и укоренившихся представлений. Поэтому значительную роль здесь сыграл господствовавший в Германской империи колониальный дискурс, который подпитывал коллективные стереотипы, пропагандистские шаблоны и определял политические мероприятия. Порожденное им пренебрежительное отношение к агитируемым народностям стало одной из причин непоследовательной реализации просветительской программы.

Противоречие между планами развития на окраинных территориях России современного национализма и устремлением к колонизации данных областей не позволило рассматривать национальные меньшинства в качестве полноценных партнеров и организовать равноправное сотрудничество с ними.

Решающую роль в корректировке намерений сыграла необходимость максимального использования принудительного труда. И хотя национальную агитацию следует рассматривать как одну из тенденций тотализации военного плена, характер немецкой политики национальностей в лагерях является еще одним важным контраргументом к знаменитому «тезису о прототипе» (16): национальные меньшинства подлежали европеизации и рассматривались как орудия реализации немецких интересов на востоке, но не как объект массового уничтожения.

Более того, желая создать для них льготные условия содержания и представить себя в их глазах защитницей национальной культуры, немецкая сторона действовала вопреки принципу военной необходимости и логике развития системы военного плена. Так, украинцу Масловскому, содержавшемуся в просветительском лагере Вецлар, было разрешено раз в неделю посещать учителя музыки во Франкфурте-на-Майне. После перевода последнего в консерваторию Лейпцига «в интересах развития искусства» Масловского отпра-

вили в лагерь Хемниц для продолжения учебы (17). В обход принципиального запрета предоставлять военнопленным из просветительских лагерей отпуск в оккупированную область Обер-Ост для многих русских немцев, поляков и прибалтов было сделано исключение с учетом примерного поведения, заявлений о нищенском состоянии семьи, запущенности хозяйства, болезни и смерти близких родственников. В документах зафиксированы также несколько случаев перевоза семей военнопленных русских немцев в разгар войны из оккупированных территорий в Германию в немецкие поместья (18).

Опыт реализации агитационной программы среди русских военнопленных Первой мировой войны заложил специфический и достаточно противоречивый «горизонт ожиданий» для будущего мирового конфликта.

В ходе подготовки войны с Советским Союзом в среде национал-социалистического военного руководства нашлись сторонники обновленной политики национальностей, которые апеллировали к опыту предыдущей мировой войны и выступали за его реанимацию, но уже в другом масштабе и облики. Все же устойчивость стереотипов и их ужесточение под влиянием расовой идеологии не способствовали созданию условий для взаимовыгодного партнерства. Военные части из представителей нерусских народностей Советского Союза были сформированы немецким абвером еще до начала реализации плана Барбаросса. Однако им приписывалось не столько военно-стратегическое, сколько пропагандистское значение (19).

Недоверие и предубеждения по отношению к национальным меньшинствам со стороны немецкого командования привели к использованию их для борьбы с партизанами на оккупированных территориях Советского Союза, т.е. вдали от зоны собственных интересов, что, как и в ходе Первой мировой войны, привело к фактическому провалу намеченной политики.

Обращение с военной элитой. Одним из наиболее ярких пережитков предыдущей эпохи стало обращение с военной элитой противника, попавшей в лагерь. Своеобразное кредо немецких органов в отношении пленных офицеров выражено в одном из предписаний Прусского военного министерства: «Мы не можем отказать в почестях безоружному вражескому офицеру, сражавшемуся против нас ради исполнения долга» (20).

Пленные офицеры размещались в отдельных от солдат лагерях или лагерных зонах, в соответствии с Гаагской конвенцией и по результатам переговоров с русским правительством для них было установлено денежное содержание в зависимости от ранга.

Из предоставляемой суммы офицеры покрывали расходы на питание, включавшее в себя пиво и легкое вино, оставшиеся деньги выдавались им на руки для покупки в лагерных лавочках дополнительных продуктов и необходимых предметов потребления.

Согласно отчетам комендатур, несмотря на царящую в Германии дороговизну и дефицит, через кантины из офицерских лагерей рассылались заказы на швейцарские часы, немецкие оптические приборы, мейсенский фарфор, украшения и музыкальные инструменты (21).

В отличие от пленных солдат, которые уже с весны 1915 г. начали массово привлекаться к принудительным работам в структурах немецкой военной экономики, офицеры были освобождены от физического труда. Им была предоставлена возможность организовать свой досуг в виде театральные представлений и лекций на различные темы. Для поддержания физической формы старшие чины за свой счет оборудовали теннисные корты, футбольные и гимнастические площадки.

В то время как в солдатских лагерях (особенно осенью–весной 1914–1915 гг.) царили эпидемии тифа и холеры, многие офицеры во время принудительного пребывания в Германии устраивали «себе полный ремонт». Часть из них «использовала представившуюся возможность» для лечения зубов, другие шли на более серьезные операции – например, на удаление лишних перегородок носа «для облегчения дыхания» (22). Уже после освобождения из лагерей офицеры высылали благодарности в адрес лечивших их немецких докторов: «Я снова чувствую, что жив и мне хочется жить... Может быть, плен был даже для меня спасением» (23).

По личной просьбе старшего по званию пленного офицера корректировался состав лагеря и допускался сбор в лагере представителей одного корпуса, если это могло способствовать «улучшению... нервного состояния» и если офицер брал на себя расходы по транспортировке (24). Напротив, пленные, не вписывающиеся в коллектив, могли по инициативе старшего по званию быть отправлены в другое место. Так, комендатура лагеря Бишофсверда удовлетворила прошение генерал-лейтенанта Прасалова о переводе в другой лагерь шести офицеров «за несоблюдение лагерных порядков и нарушение интересов сообщества» (25).

Пленным генералам, которые пользовались особым расположением комендатур, организовывались экскурсии по окрестностям, причем иногда подобные променады выходили далеко за рамки оздоровительных моционов в ближайшем перелеске.

В 1917 г. в редакцию газеты «Dresdner Anzeiger» поступило возмущенное письмо некой гражданки, которая во время осмотра одной из наиболее посещаемых достопримечательностей Саксонской Швейцарии – скалы Лилиенштейн – натолкнулась там на группу русских пленных генералов в сопровождении коменданта крепости Кенигштейн. Свидетельница добавляла, что в ресторане гостиницы ее заставили ждать с заказом, объяснив, что русские генералы заказали себе обед неделю назад. Сообщение патристично настроенной дамы, направленное в Саксонское военное министерство, было подтверждено объяснительной запиской самого коменданта лагеря (26), который, видимо, не рассматривал данный случай как нечто, противоречащее пониманию плена.

Интересной иллюстрацией традиционного отношения к военной элите противника и соблюдения аристократического этикета «прекрасной эпохи» даже в период военных действий явились посещения лагерей сестрами милосердия. Поездки миссий сопровождалась многочисленными приемами в домах

местных дворян и в императорском дворце. В случае австрийских делегаций Р. Нахтигаль также отмечает, что «концентрация родственных связей... придавала миссии характер семейной встречи представителей старой Австрии в Сибири», подчеркивая, что подобная практика могла сложиться только на Восточном фронте, где друг другу противостояли традиционные монархии (27).

В ходе инспекций вдове командующего генерала Наревской армии А.В. Самсонова – Е.А. Самсоновой, посетившей лагерь с первым составом миссий, немецкая сторона позволила наряду с инспекциями заниматься поисками захоронения своего мужа и последующим вывозом его останков в Россию.

Сестрам милосердия А.В. де Витт и З.Клюевой – женам пленных генералов, содержавшихся в лагерях Бишофсверда и Кенигштейн, были разрешены свидания с мужьями без свидетелей. При этом Прусское военное министерство настаивало, что «враждебность генерала [Де Витт. – О.Н.] по отношению к Германии не может служить для немецкой стороны препятствием для разрешения... Исключение делается для сестры, которая производит благоприятное впечатление» (28).

По той же схеме было организованы и повторные свидания. Примечательно, что подобная практика составления сестринских комиссий полностью вписывается в контекст Восточного фронта.

Пример содержания военнопленных офицеров противника также подтверждает отсутствие прямой зависимости дисциплинарных практик от накала военных действий. Независимо от событий на фронте помимо ареста в камере ближайшей крепости, который военнопленные офицеры рассматривали как возможность путешествия за пределы лагеря, комендатуры чаще прибегали к косвенным методам принуждения: переводу возмутителей спокойствия в другой лагерь, запрету на корреспонденцию с Россией, отмене прогулок или увеселительных мероприятий.

Все же возникший даже в этих относительно мягких условиях поток жалоб и протестов вынудил Прусское военное министерство обратиться к комендатурам офицерских лагерей с напоминанием о необходимости строгого наказания охраны, нарушающей офицерское достоинство пленных. Солдатам охраны было запрещено входить без стука в их комнаты и курить в их присутствии, обыски и проверки должны были проводиться только равными или вышестоящими по рангу офицерами. При личных досмотрах предписывалось соблюдать соответствующий чину такт (29). Более пристально здесь следили за нарушениями существующих предписаний со стороны немецких солдат – коменданты считали своим долгом уведомлять заключенных офицеров о ходе расследования (30).

Содержание военнопленных солдат. Неготовность Германии к размещению и долгосрочному содержанию значительного количества солдат и офицеров противника, дефицит обеспечения и медицинского обслуживания привели к вспышке эпидемических заболеваний в лагерях в начальный период войны и к высокой смертности среди русских военнопленных. Затяжной характер войны и огромное число пленных обусловили складывание ла-

герной организации, функционировавшей за счет поиска новых и ужесточения существующих дисциплинарных практик.

Значимую роль сыграла немецкая военная пропаганда, представлявшая восточных соседей в качестве культурно неполноценной нации и нередко провозгласившая более пренебрежительное и даже жестокое обращение с ними.

С течением войны в немецкой системе принудительного труда участились случаи применения насильственных и репрессивных методов и возросло их значение: при необходимости принуждения к работе, особенно в прифронтовой зоне, солдаты охраны применяли штыки, приклады и огнестрельное оружие (31). Немецкие источники изобилуют свидетельствами о случаях насильственной смерти русских военнопленных в лагерях и рабочих командах (32).

Существенные отклонения от неприглядной в большинстве своем картины содержания военнопленных солдат наблюдались в сельской местности, куда большая часть пленных из Российской Империи была направлена на работы в крестьянские хозяйства. Дробление команд, нехватка охранников и переводчиков повышали плотность контактов с владельцами поместий и их домочадцами. Здесь положение пленных в какой-то степени приближалось к привычному для немецких жителей статусу польских и русских батраков, которые до войны были обыденным явлением на территории Восточной Германии.

Размещение работников не в закрытом лагере, а непосредственно в хозяйствах, работа бок о бок и совместные трапезы вынуждали все стороны находить приемлемые формы коммуникации. Выявившийся уже к 1916 г. дефицит принудительных работников побуждал хозяев к созданию для них сносных условий во избежание жалоб контрольным офицерам и перевода пленных в другую команду (33).

В отчетах контрольных офицеров все чаще регистрировались случаи слишком либерального поведения хозяев в отношении принудительных работников: «Некоторые богатые крестьяне возят своих военнопленных в воскресенье в кабак в ближайшую деревню, а вечером порядком набравшаяся компания возвращается домой» (34). Множились сообщения о свободном передвижении военнопленных по деревням в вечернее время, совместных с хозяевами игр в кегли и карты, посещениях ярмарок и катаниях на каруселях (35).

При обыске возвращавшихся в лагерь работников охрана изымала продукты, деньги и даже фотографии хозяйских дочерей (36). Взаимоотношения на селе вызвали негативную реакцию не только местных ведомств, но и прибывавших на побывку с фронта немецких солдат. В письме в местную газету один из них возмущался увиденным на вокзале родного местечка: работодатель приветствовал рукопожатием прибывших по железной дороге пленных и усадил их рядом с собой в повозку вместо положенного пешего марша до места работы (37).

Таким образом, использование аналитической конструкции «тотальной войны» при изучении системы военного плена Первой мировой войны открывает нам переходный характер этого явления, не вполне органично соединившего в себе пережитки «прекрасной эпохи» и новые радикальные тенденции.

Дыхание грядущего тотального конфликта проявилось в ужесточении дисциплинарных практик, становлении системы принудительного труда и в развертывании обширной национальной и политической пропаганды. Неожиданная длительность войны повлекла за собой массовое привлечение военнопленных-солдат в качестве дешевой рабочей силы в структуры военной экономики. При этом все государства-участники нарушали нормы международного права, принуждая пленных к работам на военные нужды. Так, русские солдаты и даже унтер-офицеры трудились в прифронтовой зоне и в оккупированных областях, немецкие и австрийские – в нечеловеческих условиях работали на строительстве стратегических объектов (38).

С другой стороны, именно система принудительного труда нарушила наметившуюся с внедрением концентрационных лагерей тенденцию тотального отгораживания пленных от гражданского населения. Работа на предприятиях и в хозяйствах размывала жесткую границу, обозначенную колючей проволокой, позволяя пленным до определенных пределов стать частью пленившего их государства.

Именно совместная работа и бытовые контакты заставили население в тылу, для которого пленные были единственным живым воплощением врага, частично пересмотреть пропагандистские стереотипы и наладить нормальные человеческие отношения.

Новшеством Первой мировой войны стала масштабная национальная и политическая пропаганда среди пленных противника. Главной особенностью немецкой политики являлась нацеленность на обеспечение долгосрочных экономических и политических интересов, хотя имели место попытки вербовки военнопленных-мусульман в турецкую армию.

Российская Империя первой приступила к рекрутированию пленных в вооруженные соединения и их использованию против собственного государства. И хотя эта политика была успешной только в случае Чехословацкого легиона, она заложила новую парадигму, которая достигла пика своего развития уже в новой мировой войне (39).

Постепенность процесса перехода и устойчивость традиционных представлений о методах ведения войны наиболее ярко отражает судьба военнопленных офицеров, которые пользовались более уважительным отношением пленившей стороны, лучшими условиями обеспечения и обширными возможностями самоорганизации, вплоть до экскурсий к местным достопримечательностям и прогулок вне лагеря под честное слово. В качестве примеров устойчивости военных традиций ушедшего века следует назвать стремление стран-участниц соответствовать образу цивилизованного европейского государства, разрешение на сбор в одном лагере пленных-родственников, а также предоставление солдатам и офицерам противника организовывать праздничные мероприятия в дни рождения их монархов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Об аналитическом конструкте «тотальной войны» см.: *Chickering R., Foerster S. Great War, total war. Combat and mobilization on the Western Front, 1914–1918.* –

- Cambridge, 2000; S. (Hg.) *An der Schwelle zum totalen Krieg. Die militärische Debatte über den Krieg der Zukunft* / Hg. von S. Förster. – Paderborn, 2002; *Ферстер Ш.* Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 // *Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы.* – М., 2005. – С. 11–28.
- (2) См.: *Ferguson N.* *Der falsche Krieg: der Erste Weltkrieg und das 20. Jahrhundert.* – Stuttgart, 1999.
 - (3) См.: *Hinz U.* *Gefangen im Grossen Krieg: Kriegsgefangenschaft in Deutschland 1914–1921.* – Essen, 2005; Концентрируясь на изучении роли принудительного труда военнопленных в угольной промышленности Рурской области, К. Раве также отмечает количественные и качественные изменения в системе немецкого военного плена и военной экономики в ходе Первой мировой войны, неизбежно ведущие к тотальной войне. *Rawe K.* ‘...wir werden sie schon zur Arbeit bringen!’. Ausländerbeschäftigung und Zwangsarbeit im Ruhrkohlenbergbau während des Ersten Weltkrieges. – Essen, 2005.
 - (4) См.: *Wurzer G.* *Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg.* – Goettingen, 2005; *Нахтигаль Р.* Осмотр лагерей военнопленных в России сестрами милосердия Центральных держав в 1915–1917 гг. // *Опыт мировых войн в истории России* / Под ред. И.В. Нарского. – Челябинск, 2007. – С. 83–94.
 - (5) См.: *Oltmer J.* *Bauerliche Oekonomie und Arbeitskraeftepolitik im Ersten Weltkrieg. Beschaeftigungsstruktur, Arbeitsverhaeltnisse und Rekrutierung von Ersatzarbeitskraeften in der Landwirtschaft des Emslandes 1914–1918.* – Soegel, 1995; *Ленцен И.* Использование труда русских военнопленных в Германии (1914–1918) // *Вопросы истории.* – 1998. – № 4. – С. 129–137; *Oltmer J.* *Arbeitszwang und Zwangsarbeit, Kriegsgefangene und auslaendische Zivilarbeiter im Ersten Weltkrieg // Der Tod als Maschinist, Der industrialisierte Krieg 1914–1918. Katalog zur Ausstellung des Museums Industriekultur in Osnabrueck* / Hg. von R. Spilker. – Osnabrueck, 1998. – S. 96–97; *Herbert U.* *Geschichte der Auslaenderpolitik in Deutschland 1880–1980. Saisonarbeiter, Zwangsarbeiter, Gastarbeiter.* – Bonn, 2003; *Hinz U.* *Gefangen im Großen Krieg...; Rawe K.* *Kriegsgefangene, Freiwillige und Deportierte. Auslaender Beschaeftigung im Ruhrbergbau waehrend des Ersten Weltkrieges // Zwangsarbeit im Bergwerk. Der Arbeitseinsatz im Kohlenbergbau der Deutschen Reiches und der besetzten Gebiete im Ersten und Zweiten Weltkrieg* / Hg. von K. Tenfelde, H-Chr. Seidel. – Essen, 2005. – Bd. 1. – S. 35–61; *Rawe K.* ‘...wir werden sie schon zur Arbeit bringen!’ ...; *Oltmer J.* *Unentbehrliche Arbeitskraefte. Kriegsgefangene in Deutschland 1914–1918 // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges* / Hg. von J. Oltmer. – Paderborn, 2006. – S. 67–96.
 - (6) См., напр.: *Bayerisches Hauptstaatsarchiv (BayHStA).* – М. Кр. – № 1689. – Lager Plassenburg. 6.10.1917. Р. Нахтигаль ошибочно утверждает, что русские офицеры в штрафных лагерях не привлекались к работам. См.: *Nachtigal R.* *Kriegsgefangenschaft an der Ostfront.* – Frankfurt am Main, 2004. – S. 111.
 - (7) См.: *Bundesarchiv-Berlin (BArch).* – R 1508/921. – An das Moskauer Hilfskomitee. 24.8.1916; An das Moskauer Hilfskomitee. 12.9.1916; *Альбат Г.П.* Репрессалии по отношению к военнопленным. – М., 1916.
 - (8) См.: *Becker A.* *Paradoxien in der Situation der Kriegsgefangenen. 1914–1918 // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs...* – S. 24–31.
 - (9) *Saechsisches Hauptstaatsarchiv (SaechsHStA).* – 11348. – Stellvert. Generalkommando. – № 159. – PKMIN. – 30.3.1915.
 - (10) *SaechsHStA.* – 11248. – Sächsisches Kriegsministerium. – № 6913. – PKMIN. – 10.11.1916. Anfragen provinzialer Hilfsvereine für Kriegsgefangene.
 - (11) *SaechsHStA.* – 11248. – Saechsisches Kriegsministerium. – № 6913. – Kommandantur Bautzen. – 23.11.1916.

- (12) BayHStA. – M Kr. – № 1633. – Bayerisches Kriegsministerium. – 1.12.1914.
- (13) BayHStA. – Stellv. GKdo II. b. A.K. – № 275. – Sitzungsprotokol. – 29.6.1917.
- (14) Подробнее о политической пропаганде среди русских военнопленных в Германии посредством газеты «Русский вестник» см.: *Колоницкий Б.* Берлинская газета «Русский вестник» (1915–1919 гг.) // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века: Сб. научн. трудов / Отв. ред. И.И.Фролова. – СПб., 1996. – С.132–143; *Колоницкий Б.* Эмиграция, военнопленные и начальный этап германской политики «революционизирования» России (август 1914 – начало 1915 г.) // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли / Под ред. Б.В. Ананьича. – СПб., 1997. – С. 197–216; *Колоницкий Б.* Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война / Под ред. С.С. Смирнова. – СПб., 1999. – С. 271–287.
- (15) См.: *Wurzer G.* Die Kriegsgefangenen der Mittelmaechte...; *Rachamimov A.* POWs and the Great War. Captivity on the Eastern Front. – N.Y., 2002; *Nachtigal R.* Russland und seine oesterreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen. – Reimsladen, 2003. – S. 221–291; *Leidinger H., Moritz V.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: die Bedeutung der Kriegsgefangenschaftsproblemik duer die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa. – Wien, 2003. – S. 216–226.
- (16) Подробнее о дискуссии вокруг «тезиса о прототипе» – утверждении, что лагеря Первой мировой войны являлись прямым прототипом для национал-социалистических лагерей и ГУЛага см.: *Rachamimow A.* POWs and the Great War. Captivity on the Eastern Front. – Oxford, 2004; *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront...
- (17) SaechsHStA. – 11352. – Stellvert. Generalkommando. – № 587; 11352. – Stellvert. Generalkommando. – № 565.
- (18) Там же. – № 639. – Fuersorgeverein. – 22.1.1917; № 640. – Lager Chemnitz. – 27.5.1917.
- (19) См.: *Streit Chr.* Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen, 1941–1945. – Stuttgart, 1978. – S. 238; *Umbreit H.* Deutsche Herrschaft in der Sowjetunion // Erinnerung an einen Krieg. Museum Berlin-Karlshorst. – Berlin, 1997. – S. 28–35.
- (20) BayHStA. – Stellv.GenKdo I. A.K. – № 2169. – Ergänzende Bestimmungen ueber die Unterbringung der kriegsgefangenen Offiziere. – 26.5.1915.
- (21) SaechsHStA. – 11248. – Saechsisches Kriegsministerium. – № 6994. – Kommandantur Doebeln. – 20.10.1917: а также: *Speed R.B.* Prisoners, Diplomats and the Great War: a Study in the Diplomacy and Captivity. – N.Y., 1990. – P. 71. Этот факт подтверждает в своих мемуарах А.А. Успенский. См.: *Успенский А.А.* В плену. – Каунас, 193. – Ч. 1, 23. Опубликовано на сайте «Русская армия в Первой мировой войне». URL: <http://www.grwar.ru/library/Uspensky-capt-1>
- (22) SaechsHStA. – 11352. – Stellvert. Generalkommando. – № 620. – Lager Doebeln. – 10.08.1915; Lager Doebeln. – 13.09.1915.
- (23) SaechsHStA. – 11248. – Saechsisches Kriegsministerium. – № 6954. – Lager Koenigstein.
- (24) Там же. – № 142. – Lager Kottbus. – 8.9.1915. Überführung des russischen Obersten Pjerwuschin nach Königstein.
- (25) SaechsHStA. – 11348. – Stellvert. Generalkommando. – № 142. – Lager Doebeln. – 11.5.1916.
- (26) См.: SaechsHStA. – 11348. – Stellvert. Generalkommando. – № 163. – Saechsisches Ministerium an das Lager Koenigstein. – 14.5.1917.
- (27) См.: *Нахтигаль Р.* Осмотр лагерей военнопленных... – С. 89.
- (28) SaechsHStA. – 11248. – Saechsisches Kriegsministerium. – № 7081. – PKMIN. – 1.8.1916.
- (29) См.: BayStA. – Stellv.GenKdo I. A.K. – № 2169. – Ergaenzende Bestimmungen ueber die Unterbringung der kriegsgefangenen Offiziere. – 26.5.1915; SaechsHStA. – 11348. – Stellvert. Generalkommando. – № 160. – PKMIN. – 8.3.1916.

- (30) См.: Staatsbibliothek zu Berlin. Angeschlagene Lagerbefehle und Bekanntmachungen aus dem Kriegsgefangenenlager in Halle a.S., 6.1.1917; 24.5.1917; 2.6.1917; 11.7.1917; 18.8.1917.
- (31) См.: BayHStA. – M Kr. – № 1694. – Brief der russischen Kriegsgefangenen an eine Zeitung. – 11.6.1918; HStA Stuttgart. – Q 1/37. – Bue. 73. – Pfarramt Zeitler, 3.9.1917; Das Werk des Untersuchungsausschusses 1919–1928. – Bd. 3. – Hbd. 1. – S. 383.
- (32) SaechsHStA. – 11333. – Oberkriegsgericht des XII. A.K. – № 3. – Gerichtsurteil. – 27.9.1916; BayHStA. – M Kr. – № 1701. – Stellv.GKdo des III. AK. – 5.7.1919; HStA Stuttgart. – M 1/7. – Bue. 22. – Gerichtsurteile, 1916; M 1/7. – Bue. 482. – Gerichtsurteile, 1917; M 1/7. – Bue. 481. – Kommandantur Ulm. 1918; M 1/8. – Bue. 221. – Kommandantur Ulm. – 9.10.1916. К сожалению, утрата центральных немецких архивов не позволяет привести обобщающие статистические данные.
- (33) HStA Stuttgart. – M 400/3. – Bue. 5. – Pfarramt Zeiler, 1917.
- (34) *Overmanns R.* «Hunnen» und «Untermenschen» – deutsche und russisch/sowjetische Kriegsgefangenschaftserfahrungen im Zeitalter der Weltkriege // *Erster Weltkrieg-Zweiter Weltkrieg: Ein Vergleich. Krieg, Kriegserlebnis, Kriegserfahrung in Deutschland [1914–1945]* / Hg. von B. Thoss. – Paderborn, 2002. – S. 335–365.
- (35) См.: SaechsHStA. – 11348. – Stellv. GKdo. – № 153. – 17.2.1917; Kommandantur Loebau. – 16.5.1917, Kriegsgefangene Beaufsichtigung; BayHStA. – M Kr. – № 1687. – Inspektion der Kriegsgefangenenlager des I.A.K., 1917; а также: *Grund J.* Ernährungswirtschaft und Zwangsarbeit im Raum Hannover 1914 bis 1923. – Hannover, 1992. – S. 192.
- (36) BayHStA. – Stellv. GKdo II. b. A.K. – № 274. – Kommandantur Wuerzburg. – 5.3.1917.
- (37) Там же. – Stv. GenKdo I. A.K. – № 1378. – Muelldorfer Anzeiger. – 12.7.1917.
- (38) См.: *Hinz U.* Gefangen im Grossen Krieg...; *Rawe K.* ‘...wir werden sie schon zur Arbeit bringen!’...; *Nachtigal R.* Die Murmanbahn 1915 bis 1919. Kriegsnotwendigkeit und Wirtschaftsinteressen. – Remshalden, 2007.
- (39) См.: *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront... – S. 128.

**CAPTIVITY OF THE GREAT WAR ON THE EASTERN FRONT:
TRADITIONS OF «BELLE EPOQUE»
AND TENDENCIES OF «TOTAL WAR»**

O.S. Nagornaja

Center for Cultural History Studies
South Ural State University
V.I. Lenin Ave., 76, Chelyabinsk, Russia, 454080

Taking the example of the prisoners of war during the First World War, the article analyses the continuity and the discontinuity in the process of the «totalization of acts of war» around which discussions among Western military historians are not likely to calm down any time soon. The simultaneity and the linkage of new tendencies and traditional structures are examined in the example of some important aspects of the German system of captivity: international law, national propaganda, maintenance of officers and soldiers in the camps to which up to now not enough attention has been paid.

Key words: First World War, Captivity on the Eastern Front, «Total War».